

АЛЬБОМ СТАСОВА-ГИНЦБУРГА И “МЕГИЛЭ” АНТОКОЛЬСКОГО

Ольга Васильева

1

Поступление в Императорскую Публичную библиотеку в Петербурге сначала Первого собрания Авраама Фирковича¹ (в 1862-1863 гг.), а позднее и Второго собрания (в 1876 г.) сделало ее обладательницей уникального источника по истории, культуре, языку и литературе еврейского народа. Эта всемирно известная ныне коллекция сразу привлекла к себе внимание, причем не только гебраистов. Интересно, что первым, кто осознал значение и необходимость исследования художественных особенностей еврейских рукописей был Владимир Васильевич Стасов (1824-1906)². В том, что русский критик и публицист обратился к такой тематике, нет ничего удивительного. Во-первых, Стасов немало написал о еврейском искусстве, принимая горячее участие в обсуждении проектов здания синагоги и ее украшения, что нашло отражение в его статье “По поводу постройки синагоги в С.-Петербурге”, опубликованной во 2-м выпуске сборника “Еврейская библиотека” (СПб. 1872, 453-473). Во-вторых, он с 1872 г. заведовал отделением искусств и технологии Публичной библиотеки и был в гуще всех происходивших в ней значительных событий, к каковым без сомнения можно отнести поступление столь ценного и обширного собрания рукописей. И, наконец, начиная с 1856 г., Стасов работал над составлением и изданием

¹ Авраам Самуилович Фиркович (1787-1874) — караимский общественный деятель, крупный коллекционер. Истории формирования его собрания и исследованию отдельных памятников еврейской письменности проф. Тапани Харвиайнен посвятил ряд своих статей.

² О нем см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб. 1995, Т. 1: Императорская Публичная библиотека: 1795-1917, 496-502.

альбома “Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени” (СПб. 1884-1887), для чего изучил богатые фонды рукописного отдела Библиотеки и собственноручно изготовил множество копий. При этом он неоднократно посещал европейские хранилища и заказывал копии значительных с его точки зрения образцов художественного убранства рукописных памятников разных времен и народов. Им был разработан принцип компоновки на одном листе орнаментальных элементов из разных рукописей, примененный в дальнейшем в другом альбоме, который явился прямым продолжением “Славянского и восточного орнамента”.

Итак, именно Стасов предложил Давиду Горацевичу Гинцбургу (1857-1910)³, востоковеду-семилогу, библиофилу⁴ и представителю семейства крупных финансистов, издать альбом орнаментов, которыми украшены еврейские рукописи собрания Фирковича.

Судя по переписке Стасова и Гинцбурга, хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной (ранее Императорской Публичной) библиотеки, в феврале 1883 г. начались переговоры об издании крупноформатных листов альбома в Экспедиции заготовления Государственных бумаг, а 24 декабря того же года Стасов сообщал: “<...> К Новому году целых 4 листа будут уже вполне отпечатаны, в 600 экземпляров каждый”⁵. Надо полагать, что этому предшествовала кропотливая работа по подбору достойных воспроизведения орнаментов⁶ и созданию адекватных копий, причем все это “не вынося оригиналы из залов, где их хранят ревностно и благоговейно”⁷. Копии были сделаны И. Я. Гинцбургом, впоследствии

³ О нем см.: Еврейская энциклопедия. СПб. [б.г.], Т. 6, 531-532; Российская еврейская энциклопедия. М. 1994, Т. 2. Биографии: А-К, 316.

⁴ Коллекция Д.Г. Гинцбурга, насчитывающая 8000 печатных изданий и 2000 рукописей, хранится ныне в Российской государственной библиотеке в Москве.

⁵ Стасов В. В., Письма Д. Г. Гинцбургу // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ), Ф. 183. Гинцбург Д. Г. № 1095 (далее: Ф. 183. № ...). Л. 3 об.

⁶ Думается, Д. Г. Гинцбург воспользовался описанием раздела Библия на пергамене Второго собрания Фирковича, подготовленным сотрудником Библиотеки Авраамом Яковлевичем Гаркави (1839-1919). Гаркави заведовал еврейским отделением, однако основная его работа протекала в рукописном отделении, где он описал 11 тысяч еврейских рукописей и опубликовал около 400 печатных работ. Так же, как и Гинцбурги, он был активным членом петербургской еврейской общины. (О нем см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки... Т. 1..., 149-153). Гаркави мог и сам предоставить сведения о наличии орнаментов в рукописях Второго собрания, как он предоставил их для библейских рукописей Первого собрания. См. его записку, приложенную к письмам Гинцбурга Стасову: ОР РНБ. Ф. 738. В. В. Стасов. № 126 (далее: Ф. 738. №...). Л. 19.

⁷ Gunzburg D., Avant-propos // L'Ornement Hébreu. Par V. Stassof et D. Gunzburg. Berlin 1905, 5. Цит. по: Гинцбург Д., Предисловие к альбому “Древнееврейский орнамент” //

известным скульптором, и рисовальщиком В. А. Богдановым. В предисловии к альбому Давид Гинцбург называет также Н. В. Нечаева, “который снял кальку с рисунков и тщательно передал оттенки цвета, иногда яркие, иногда угасшие”⁸. Причем все трое работали и над “Славянским и восточным орнаментом” Стасова.

В письме от 2-го августа 1884 г. Стасов пишет:

“Барон Давид Орасович, наше издание “Еврейского орнамента” идет отлично вперед, и 9 листов уже окончательно отпечатаны, многие другие в работе и сильно подвинуты, так что, я надеюсь, если не в конце этого года, то в первой четверти следующего все таблицы издания будут кончены, так что дело уже останется за “текстом” Вашим и моим.

Прибавлю к этому, что в художественном отношении работа выполняется так превосходно, что приводит в восхищение всем знающих и понимающих людей. Это будет издание, я надеюсь, истинно классическое и знаменитое на всю Европу.

Но теперь возникает вопрос, который я давно предвидел, и о котором я не раз уже говорил Вам.

Как мы ни старались экономить место и сжимать фигуры, даже иногда теснить их, — весь наш материал не уместится на 20 таблицах, на которые первоначально была сделана смета

Даже выкинувши кое-что, даже лишившись того и сего (впрочем, менее важного), оказывается, что нам надо было бы всего сделать не 20 таблиц, а 24. Это разница в 1000 рублях (так как средняя норма каждого листа равняется = 250 рублям).

Мы сегодня держали совет с Ф. Ф. Винбергом и Е. Н. Скотом, и решили сообщить Вам это. — Ф. Ф. Винберг полагает, что Ваш батюшка и Вы решите, по всей вероятности, сделать и эту сверхсметную трату”⁹.

Далее Стасов предлагает и другие варианты решения проблемы, однако мы видим, что изданный альбом состоит из 27-ми листов. А это означает, что Гораций Осипович¹⁰ и Давид Горациевич Гинцбурги не стали экономить, а изыскали возможность выделить дополнительные средства не только на издание запланированных листов, но и на три, добавленных позднее Давидом Горациевичем. Причем за последние листы “новый начальник

Орнамент древнееврейских рукописей. / Сост. О. Васильева, Б. Зайковский, А. Канцеликас. М.; Тель-Авив 2003, 96.

⁸ Там же.

⁹ Ф. 183. № 1095. Л. 4. В своих письмах Стасов часто выделял подчеркиванием значимые слова.

¹⁰ О Г. О. Гинцбурге (1833-1909) см.: Еврейская энциклопедия. СПб. (б.г.), Т. 6, 525-531.

требуется Р. 300 вместо Р. 250”¹¹. Путем несложных математических подсчетов мы можем установить, что Гинцбургги потратили только на печатание листов альбома не менее 6 тысяч 750 рублей. Если прибавить оплату работы художников, издание предисловия-вкладыша, изготовление папок для разрозненных листов, то сумма станет еще более внушительной¹².

Надо заметить, что написание Гинцбурггом предисловия отложило выход в свет (т.е. распространение) альбома почти на 20 лет. Начиная с 20 августа 1885 г. вопрос “Когда?” постоянно звучит в письмах Стасова.

“Многоуважаемый барон Давид Орасович, вот уже почти полгода я не получаю от Вас никакого ровно известия — между тем это было бы мне очень нужно. У нас уже тут печатается последний лист издания “L’ornament hébreu”, значит уже очень и очень пора приниматься нам за текст<...> Сделайте одолжение, без дальнейшего промедления уведомите обстоятельно, как Вы располагаете распорядиться с Вашим текстом — он меня задержит пожалуй, потому что я не могу писать своего, или по крайней мере окончательно установить его и отдавать в печать, пока не будет кончен Ваш “палеографический” и “текстуальный”, иначе, пожалуй, могут встретиться между нами разногласия.

Вследствие этого очень прошу уведомить меня:

1) *Когда я могу рассчитывать, что Ваш текст будет написан, и я его прочту, — это мне очень существенно?*

2) *Съездили ли Вы уже (как намеревались), или теперь съездите в Берлин, Лейпциг, Париж и Лондон для обзора и изучения еврейских рукописей с рисунками? Если нет, я должен буду поехать сам — как мне это и не хочется, и не кстати. Особливо бы мне полезно было повидаться с профессором Georges Perrot (College de France, в Париже)<...> Я был с ним в переписке<...> Он<...> все не хочет верить, что у нас в руках такой важный и неожиданный материал. Поэтому зовет меня на свидание в Париж. — Точно также Rieu (консерватор рукописей в Британском Музее)<...> зовет меня в Лондон осмотреть их еврейские рукописи. — По всему этому, если Вы не поедете, — я поеду. Но только уведомите поскорее, поскорее”¹³.*

Гинцбург собрался ехать в Европу сам и получил от Стасова задание:

¹¹ Гинцбург Д. Г., Письмо В. В. Стасову 29 ноября 1889 г. // Ф. 738. № 126. Л. 8.

¹² Для сравнения скажем, что Стасов получил из Государственного казначейства 12 тысяч рублей на издание “Славянского и восточного орнамента”, содержащего 156 листов иллюстраций.

¹³ Ф. 183. № 1095. Л. 7-8.

“Когда Вы рассмотрите еврейские рукописи в Берлине и Лейпциге, нельзя ли Вам будет велеть снять фотографии с тех (наверное очень немногих) рисунков или орнаментов восточного происхождения, которые будут представлять сходство с нашими или по крайней мере тот или другой интерес при сравнении с нашими. Хотя, признаюсь, не рассчитываю на слишком большое количество таковых — или, точнее сказать, готов скорее ожидать, что таковых и вовсе не окажется.

<...> Но как же Лондон-то (про Париж я не говорю: у меня есть уже копии в красках, сделанные по моему распоряжению с рукописи XII-го века, очень важной для наших изучений и сравнений). Да-с, как быть-то с Лондоном? Видно, мне самому придется туда ехать<...> Впрочем, я начну с того, что подожду и посмотрю” 14.

Видимо, Гинцбург не получил этого письма, датированного 5 сентября 1885 г. Через месяц Стасов повторяет свою просьбу о фотографиях и просит Гинцбурга съездить в Париж и Лондон:

“Дело в том, что именно в этом последнем городе, в British Museum, есть 14 еврейских важных рукописей XIII-го, XIV-го и других веков. Всем важнее, мне кажется, рукопись XIV-го или XIII-го века, писанная в Южной Аравии. Очень сожалею, если мы оба с Вами не будем знать этих рукописей. Ведь, пожалуй, нас обоих обвинят потом: “Что это, дескать, господа, Вы пишете про петербургские еврейские рукописи и не выводите на сравнение, ни слова не говорите про лондонские и парижские?” Как мне ни затруднительно и как ни некстати, а мне пожалуй все-таки придется ехать за границу раньше чем поднять руку на писание текста. как-то боюсь быть не довольно основательным, боюсь упреков” 15.

Гинцбург все-таки посетил Париж и Лондон, заказал цветные копии образцов орнаментов парижской и лондонской рукописей и добавил к альбому воспроизводящие их листы.

Из писем Стасова видно, с каким воодушевлением он готовился к написанию своей статьи, как радовался “текстам” 16 и фотокопиям, присланным Гинцбургом из Европы. Однако с годами воодушевление уступило место другим чувствам.

5 апреля 1894 г. Стасов пишет весьма интересное во многих отношениях письмо:

14 Там же. Л. 9-10.

15 Там же. Л. 11-12.

16 Один из них, содержащий заметки на французском языке о еврейских рукописях Дрездена и зарисовки орнаментов, см.: Ф. 183. № 118. Л. 3-26.

“Многоуважаемый Барон Давид Орасович, с великим удивлением узнал я вдруг, что Вы уже уехали из Петербурга, и неизвестно, когда Вы снова будете здесь! Это меня совершенно поразило.

В библиотеке не получили рукописей в назначенный день — но этого не могло и быть, потому что молодой Бычков (хранитель залы рукописей)¹⁷ уезжал по делам в Ярославль, и на все время рукописи были заперты на ключ, никого туда не пускали более недели. А я не мог Вам дать о том знать, потому что адреса своего Вы мне не сообщили, и я не ожидал Вас самого лично.

Но если бы даже Бычков никуда не уезжал, и рукописи были всякий день к Вашим услугам, разве был бы из этого прок? Мне кажется — нет. Ведь пребывание Ваше нынче в Петербурге было длинное, кажется почти 2 месяца, и однако же из этого ровно ничего не вышло! Только в самом конце у нас зашла речь о работе в библиотеке, — ну и что же? Вот бы пришли, поработали бы в библиотеке 2-3 или 4 раза, но разве оттого дело много подвинулось бы? Я думаю — нет. В 3-4 раза невозможно сделать такую большую и важную работу!

Вот я и нахожусь снова в ужасном беспокойстве и затруднении: мне уже 70 лет, и скоро меня и вовсе не будет, или же я не в силах буду выполнить эту работу, так давно задуманную, так давно меня интересующую, и кажущуюся мне такою важною. А когда меня [не] будет, кто выразит и выскажет те мысли и соображения, которые были у меня в голове при предприятии?

Вы же, с Вашей стороны, всегда заняты делами, конечно, очень важными, солидными, но не научными: эти, кажется, интересуют Вас теперь гораздо меньше прежнего — а это очень для меня прискорбно! Что же дальше будет! Опять пройдет 10 лет или больше, и все ничего не будет, мы все только будем собираться!!!!

Поэтому, мне кажется, надо решиться на что-нибудь действительно прочное и обещающее результаты:

1) либо необходимо, чтобы Вы несколько времени прожили в Петербурге, чтобы поработать действительно в библиотеке, и бывать там не 3-4 раза, а несколько месяцев, всякий день сряду;

2) либо нам решительно и окончательно бросить всю эту затею, всю эту работу, на которую мы прежде так надеялись и от которой ожидали столько радости и пользы.

¹⁷ Иван Афанасьевич Бычков (1858-1944) — археограф, член-корреспондент Академии наук, хранитель и заведующий рукописным отделением. О нем см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки... Т. 1..., 123-125.

Решите, пожалуйста, окончательно. Ожидать и откладывать дольше нельзя и не следует!

Есть еще третье средство, но Вы, я думаю, ни за что на него не согласитесь: это — поручить Вашу работу кому-нибудь другому — Гаркави, Нейбауру или кому-нибудь другому, кому угодно. Жму Вам руку. Ваш В. Стасов” ¹⁸.

По всей вероятности, трагически-решительный тон этого послания произвел должное впечатление на Давида Горацевича, и он собрался приехать в июле. Стасов в письме от 14 мая 1894 г. предупреждает его:

“Но предваряю Вас, что в таком случае Вам надо бы поторопиться: Бычковы оба (отец¹⁹ и сын) по всегдашнему уезжают на летнюю вакацию, в Ярославское свое имение, в последних числах Июня, и после того рукописная зала библиотеки будет заперта на ключ, и даже запечатана (по закону) в продолжение всего Июля и Августа. Значит, времени для Ваших занятий у нас летом остается не слишком много. Что же касается до занятий долее 3-х часов пополудни, то это дело вполне немислимое. В 3 часа дня всякий день запирается не только сама зала рукописей, но и смежная с ней зала (овальная), которая считается ее продолжением, и где обыкновенно сидят занимающиеся рукописями. Это коренной закон Библиотеки. Передать какую бы то ни было рукопись в другую залу никогда не позволено, так что этого не сделали бы даже для самого Директора, если бы он захотел, — не только для меня” ²⁰.

Этот пассаж, который может произвести неизгладимое впечатление на современного читателя или сотрудника Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, завершается словами: *“Пора, пора, пора нам кончить это большое и важное предприятие!”*

Однако завершение этого “предприятия” затянулось еще на 10 лет: черновой автограф предисловия Гинцбурга датирован 9/22 сентября 1904 г.²¹, а опубликовано предисловие в Берлине в 1905 г. Текст на его титульном листе гласит: “L’Ornement Hébreu. Par Vladimir Stassof et David Gunzburg”. Однако на роскошном титульном листе альбома — другая надпись: “Ornementation des Anciens Manuscrits Hébreux de la Bibliothèque Impériale Publique de St-Petersbourg. Publié par le baron Horace Gunzburg. Texte archéologique par le baron David Gunzburg. Texte artistique et historique par Vladimir

¹⁸ Ф. 183. № 1096. Л. 4-5.

¹⁹ Афанасий Федорович Бычков (1818-1899) — историк, академик, директор Публичной библиотеки. О нем см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки... Т. 1, 115-123.

²⁰ Ф. 183. № 1096. Л. 6.

²¹ Ф. 183. № 66.

Stassoff. Dessiné par Ropett. 1886” (“Орнаментация древних рукописей еврейских Императорской Публичной библиотеки С.-Петербурга. Издано бароном Горацием Гинцбургом. Текст археологический [археографический — О.В.] барона Давида Гинцбурга. Текст искусствоведческий и исторический Владимира Стасова. Рисовано Ропетом. 1886”). В рамке приведено заглавие на русском языке “Древне-еврейский орнамент по рукописям”, а также на древнееврейском языке.

Иван Павлович Ропет (настоящее имя Иван Николаевич Петров, 1845-1908)²², академик архитектуры, один из ведущих мастеров “русского стиля” (фольклорный вариант национального стиля даже называют иногда “ропетовщина”), рисовал и эскиз фронтисписа (также датирован 1886 г.) к “Славянскому и восточному орнаменту” Стасова, а ранее делал по просьбе последнего копии с рукописей в Париже и Лондоне²³.

Судя по письму Ропета, эскиз заглавного листа “Древнееврейского орнамента” был передан им Стасову еще 9 декабря 1884 г.²⁴ Отпечатан титульный лист не в Экспедиции заготовления Государственных бумаг, а в хромофотографии “С. Renn et N. Netschaieff”. В своем предисловии Гинцбург так характеризует работу художника: “Впечатление единого ансамбля, возникающего из хаоса орнаментальной вязи и арабесок, удачно передано архитектором Ропетом в созданном им фронтисписе, где использованы лишь те декоративные мотивы рукописей, которые использованы в альбоме”²⁵. Далее, отмечая значение альбома для развития декоративного искусства, Гинцбург пишет: “Русские художники, ознакомившиеся с альбомом, были потрясены той печатью оригинальности, которой отметили свои прекрасные и необычные творения неизвестные мастера. Орнаментальные мотивы, присутствующие в таких произведениях искусства, как блюдо, подаренное Их Величествам по случаю коронации в 1884 г., светильник, установленный в 1888 г. в синагоге в память о несчастном случае в Борках²⁶, многие поздравительные адреса, врученные ученым, мегила²⁷, преподнесен-

²² О нем см.: Иллюстрированный словарь русского искусства. М. 2001, 392-393; Кириченко Е. И., Архитектор И. П. Ропет // Архитектурное наследие. М. 1972, № 20, 85-93.

²³ В 1891 и 1895 гг. Ропет создал проекты нового корпуса Публичной библиотеки, причем предложенный им эскиз фасада “напоминал заглавный лист старинной рукописи”. Оба варианта не удовлетворили комиссию, которая предпочла проект Е. С. Воротилова.

²⁴ Ф. 738. № 205. Л. 2.

²⁵ Гинцбург Д., Предисловие..., 97.

²⁶ Имеется ввиду железнодорожное крушение, во время которого только благодаря отваге и силе Александра III была спасена царская семья и сопровождавшие ее лица.

²⁷ *мегила* (древнеевр.) — свиток.

ная скульптору Антокольскому в день его полу-юбилея, полог, укрывающий Святой Ковчег в Санкт-Петербургском храме в дни торжественных праздников, заимствованы из нашего собрания"²⁸.

Интересно, что упомянутое первым в этом списке блюдо, которое было преподнесено вместе с солонкой Их Величествам 24 июня 1882 г. (а не в 1884, как у Гинцбурга) петербургской еврейской общиной, были изготовлены "придворным мастером Сазиковым из серебра 84 пробы по рисункам Роппето под руководством действительного статского советника В. В. Стасова". Эту цитату из отчета правления Общины приводит в своей книге "К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины: От первых евреев до XX века" (СПб. 2000, 140) В. Ю. Гессен. Автор также отмечает, ссылаясь на отчет, что "они были изготовлены по заказу Г. О. Гинцбурга..., что все украшения и рисунки заимствованы из орнаментов древнееврейских рукописей X-XI веков, хранящихся в Публичной библиотеке, что их выбором занимался кандидат востоковедения барон Д. Г. Гинцбург и В. В. Стасов, а 'гравированные стихи' из библейских текстов подобраны доктором истории Востока А. Я. Гаркави". И, хотя Гессен не установил местонахождение блюда и солонки, и мы не можем их увидеть, все же приведенные им данные весьма важны для нас. Во-первых, очевидно, что работа по отбору образцов орнаментов началась еще до середины 1882 г.²⁹ Во-вторых, эту работу вели Давид Гинцбург и Стасов (и, как нам представляется, не без помощи Гаркави). В-третьих, Гораций Гинцбург финансировал и это "предприятие" тоже. В-четвертых, Ропет создавал эскизы для блюда и солонки, причем еще до того, как им был оформлен титульный лист альбома. И, наконец, в-пятых, Стасов курировал создание этих предметов.

Перед нами не стоит задача выявить все предметы искусства, выполненные под впечатлением от образцов древнееврейского орнамента, опубликованных в альбоме Стасова-Гинцбурга, и определить степень влияния этих образцов на эстетику дизайна. Однако представляется весьма уместным обозначить эту проблему, обратившись к одному предмету из перечисленных Гинцбургом, предмету, который отчасти случайно оказался

²⁸ Гинцбург Д., Предисловие..., 100.

²⁹ Но не ранее 1879 г., когда Стасов в экспертном заключении об архитектурных проектах большой хоральной синагоги в Петербурге выражал пожелание украсить здание (которое он еще в 1872 г. предложил сделать в арабо-мавританском стиле) собственно еврейскими орнаментальными мотивами. Тогда он имел о них весьма смутное представление, что явствует из следующей фразы: "Я разумею некоторые формы ботанические (виноградная кисть, гранат, лилии, своеобразная еврейская листва и др.), а также некоторые формы геометрические (звезды, известные сплетения, узловатости, формы капителей и др.)". См.: Гессен В. Ю., К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины: От первых евреев до XX века. СПб. 2000, 90.

в поле моего зрения, но сразу привлек внимание своей очевидной близостью к альбому древнееврейского орнамента и, особенно, к его титульному листу.

2

Печатный отчет Императорской Публичной библиотеки за 1905 г. сообщал на странице 163, что “вдова скульптора М. М. Антокольского, Е. Ю. Антокольская принесла в дар, при посредстве В. В. Стасова и И. Я. Гинзбурга, два художественных произведения, исполненных известною мастерскою К. Фаберже в Петербурге: а) мегилз в древнееврейском стиле, из вызолоченного серебра с эмалью, заключающий в себе писанный на пергамене адрес на еврейском языке, поднесенный М. М. Антокольскому в 1896 году, в день 25-тилетнего его юбилея, почитателями его таланта, и б) адрес на русском языке в богатом серебряном переплете, поднесенный ему тогда же от Общества распространения просвещения между евреями в России”. (Речь идет о юбилее творческой деятельности, отмечавшемся 29 декабря 1896 г.) Эти адреса хранятся в личном архиве Антокольского (Ф. 25. № 1-2) и не попадали в поле зрения историков ювелирного искусства и исследователей творчества Карла Фаберже и его мастерской. Недавно на них обратила внимание Л. И. Бучина, в то время заведующая Отделом рукописей, благодаря которой мы имеем возможность опубликовать первый адрес и его футляр.

Цилиндрической формы футляр размером 77 x 12 см украшен выполненными в технике эмаль образчиками еврейского орнамента и текстом на русском и древнееврейском языках. Вверху и внизу цилиндра по окружности написано: “М. Антокольскому от его почитателей”, в центре: “1871-1896”, а вдоль щели, из которой вытаскивается пергаменный свиток, стоят более точные даты (только на русском языке): “4 ноября 1871-29 декабря 1896”. Внутри цилиндра свиток намотан на стержень, нижний конец которого украшен виноградной гроздью, а верхний конец упирается в “корону”, надетую на цилиндр. “Корона” завершается кольцом с вписанной в него шестиконечной звездой и числом 25, написанным по-древнееврейски. (III. 2)

Адрес-мегила занимает два сшитых пергаменных листа высотой 33 см и общей длиной 130 см. На первом листе золотом в три столбца написан еврейский текст³⁰, а также значительно отличающийся от него русский вариант, выполненный черными и красными чернилами и золотом.

Русский текст гласит:

³⁰ Черновик находится в архиве Гинзбурга: Ф. 183. № 82.

"Дорогой Марк Матвеевич.

Мы все собрались здесь сегодня, для того, чтобы праздновать одно из самых крупнейших событий русской художественной истории: НАРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ СКУЛЬПТУРЫ. Русский народ сильно талантлив. Это один из талантливейших народов в мире. Поэтому он уже давно высказал свои творческие стремления и способности по части разнообразных искусств. Это всего ранее выразилось в архитектуре. Еще с эпохи Средних Веков русские архитекторы выступили вперед и показали свою оригинальность и почин. В XVI веке они достигли высшего своего предела, а в наш век цветут их многочисленные высоко-даровитые продолжатели. С конца прошлого, XVIII-го века, стали появляться на свет талантливые русские живописцы, и полный расцвет этих художников блестящим образом совершался и совершается на наших глазах.

С 30-х годов нашего века мы обладаем великою самостоятельной школою русской музыки. Одной скульптуры не доставало. Она одна таилась в тайниках народного духа и не появлялась на свет наравне с братьями и товарищами своими остальными искусствами. То что даже и появлялось по этой части, были все только слабые опыты робкого копирования и бедного подделывания под чужие, иностранные творения. Но четверть века тому назад и для скульптуры пришла у нас пора. Явился юноша, не только со своеобразным талантом, но еще и со своеобразным духом, который почувствовал призвание творить у нас и для нас то, чего другие не могли — выразить лучшие помышления и глубочайшие чувствования свои в скульптурных формах красоты и вдохновения. Этот смелый, решительный юноша был — МАРК АНТОКОЛЬСКИЙ

ВЫ

перед кем мы стоим теперь с удивлением, восторгом и благодарностью. В течение этих последних 25-ти лет ВАШ художественный путь был путь торжества и завоевания. ВЫ шли все вперед и вперед, не развлекаясь, не взирая ни единым глазом на все, что по сторонам ВАС встретилось иной раз неудачного, неприятного и даже враждебного. ВЫ наполняли наши музеи высокими созданиями, на которые взирали с признательностью и душевным почтением все лучшие русские люди и многочисленные лучшие люди Европы. ВЫ много раз играли на всемирных выставках самую яркую, самую значительную роль. На некоторых из этих выставок голос Европы признавал ВАС ПЕРВЫМ из выступавших тут скульпторов целого мира. Мы же, сводя вместе все, что мы видели, чувствовали, ценили и любили, принуждены признаться себе, что нет среди созданий всего искусства такого "Ивана Грозного", такого "Петра Великого",

такого “Нестора” и такого “Ермака”, каких ВЫ создали на наших глазах для всех современников и для всех будущих поколений.

Рядом с этими высокими произведениями, имеющими для нас самое главное, НАЦИОНАЛЬНОЕ значение, ВАМИ создано еще много других крупных вещей, каковы: “Христос”, “Сократ”, “Спиноза”, “Мефистофель”, “Мученица христианка”, надгробный памятник княгини Оболенской “Ангел смерти” и другие. Все это так высоко, поэтично, полно таланта, красоты и мастерства, что мы смотрим на ВАС как на одного из первых скульпторов нашего века и пр[о]возглашаем ВАМ

Слава!”

Текстовая часть заключена в рамку, выполненную с использованием мотивов орнаментов из еврейских рукописей (III. 3), окруженных строчками текста с перечнем работ Антокольского. В нижнем левом углу рамки имеется подпись художника — D. Maguide. Позднее, в 1918 г., Давид Гиллариевич Магид (1862-1942)³¹, сын раввина из г. Вильно и выпускник Академии художеств, займет место библиотекаря еврейского отделения и возглавит его после умершего А. Я. Гаркави. Вполне вероятным представляется, что во время работы над оформлением адреса Антокольскому Стасов добился для Магида разрешения ознакомиться с оригиналами, хранящимися в рукописном отделении: и квадратный почерк, и краски, и, особенно, твореное золото очень близки древним образцам.

Собственно Стасов, давний друг Марка Матвеевича (Мордуха Матысовича) Антокольского (1843—1902), принимавший активное участие в его судьбе, явился автором идеи и организатором создания такого поздравительного адреса — без сомнения именно им написан русский текст, пафосный и витиеватый, он собирал деньги и платил за “мегилэ”. В письме (на русском и французском языках) Гинцбургу от 22 декабря 1896 г. Стасов перечисляет тех, кто принял участие в финансировании этого “предприятия”. Это — барон Гораций Гинцбург, внесший по подписке 300 рублей, сам Стасов, Бродский, Вейнштейн, г-н и г-жа Поляковы, внесшие каждый по 100 рублей. Из других участников упомянута княгиня М. А. Шаховская. Далее Стасов сообщает, что 800 рублей пошли на “украшение нашей Мегилэ”³². По всей видимости, Давид Горацевич также внес свою лепту — Стасов благодарит его “за великую доброту, участие и помощь”.

³¹ О нем см.: Гессен В. Ю., Д. Г. Магид — 12 лет в еврейском отделении Публичной библиотеки // Восточный сборник / РНБ. СПб. 1993, Вып. 5, 180-198; Сотрудники Российской национальной библиотеки... СПб. 1999, Т. 2: Российская Публичная библиотека — Государственная Публичная библиотека в Ленинграде: 1918-1930, 416-418.

³² Ф. 183. № 1096. Л. 19.

Кто же изготовил металлический футляр, стоивший 800 рублей? (Правда, вполне возможно, что часть этой суммы пошла на изготовление и украшение самого пергаменного свитка.) Вопрос об участии фирмы Карла Фаберже придется оставить открытым поскольку, во первых, тяжелый цилиндр, украшенный эмалью и весьма своеобразно орнаментированный, не вписывается в эстетику этой мастерской и с художественной точки зрения "выпадает" даже из столь широкого круга предметов, которые в ней изготовлялись. Во вторых, на металлической планке, прикрепленной к листу пергамента, помимо штампа с пробой "84" в двух местах имеется другой штамп: "Г. Андреев". Однако, судя по справочникам, мастер с такой фамилией у Фаберже не работал³³.

Для нас значительно интереснее вопрос, по чьему эскизу работал мастер? Ответ, приходящий на ум при первом же взгляде на футляр — эскиз делал тот же художник, который рисовал титульный лист альбома Стасова-Гинцбурга, то есть Иван Павлович Ропет. Нам пока не удалось подтвердить этот вывод документально, однако весьма существенное косвенное доказательство имеется.

На адресе поставлены 82 подписи, в том числе таких общественных деятелей и деятелей культуры и искусства, как Д. Г. Гинцбург, И. Я. Гинцбург, А. Ф. Кони, В. Е. Маковский, А. Ф. Бычков, Н. А. Римский-Корсаков, М. Кавос. Примечательно, что первой в левом верхнем углу перед именем Владимира Стасова идет подпись И. Ропета. Это обстоятельство и дает нам основание предполагать, что именно Ропет был автором эскиза, по которому изготовили футляр поздравительного адреса. Да и кому, как не ему мог поручить Стасов воплощение своего замысла? Тем более, что у Ропета уже был опыт подобного рода: еще в 1882 г. он делал под руководством Стасова рисунки для серебряного блюда.

Что касается Маггида, то Стасов упоминает его (правда, не называя по имени) в письме Гинцбургу, написанному 29 июня 1902 г. после получения известия о смерти Антокольского. Среди перечисленных мероприятий, которые следует предпринять по случаю похорон, под номером 2 следует: *"Украсить катафалк еврейскими орнаментами. Но дайте мне на подмогу кого-нибудь из еврейских художников. Я забыл фамилию того, который писал и рисовал "адрес" (в мегиле) для Антокольского."*³⁴

2 июля Стасов пишет: *"Вчера и сегодня мы сильно хлопотали, и авось малая Синагога в Преображенском будет хоть немножко украшена в древнееврейском стиле. <...> Но не надо забыть нам и большую Синагогу."*

³³ См.: Скурлов В., Смородина Г., Фаберже и русские придворные ювелиры. М. 1992, 79-111; Snowman A. K., Fabergé, Lost and found. London 1993, 174 (Index).

³⁴ Ф. 183. № 1096. Л. 21.

<...> Конечно, я сильно желал бы и тут вывесить, на стенах, еврейские орнаменты, в виде больших медальонов и других орнаментов — вот это было бы чудесно! Но, я думаю, уже поздно, и некому делать: Ропет, Бернштам и Перельман, по моим великим просьбам (также советам и указаниям) уже сильно заняты<...>”³⁵

Приведенный фрагмент демонстрирует и то участие, которое Стасов принимал в организации похорон своего друга, и то значение, которое он придавал еврейскому орнаменту. А то, что первым среди привлеченных Стасовым художников идет имя Ропета, говорит само за себя.

* * *

Суммируя вышесказанное, повторим, что огромная работа над составлением и изданием 27-ми листов альбома Стасова-Гинцбурга тиражом в 600 экземпляров и размером 56,5 x 46 см заняла не более **семи** лет: началась она не ранее 1879 г., а закончилась не позднее 1886 г. Семейству Гинцбургов издание обошлось в сумму не менее 6 тысяч 750 рублей. Кроме авторов-составителей в этом “предприятии” принимали участие семитолог А. Я. Гаркави, художники-копировальщики И. Я. Гинцбург, В. А. Богданов и Н. В. Нечаев, оформитель титульного листа И. П. Ропет³⁶. Предисловие Давида **Гинцбурга** было опубликовано лишь в 1905 г., незадолго до смерти Стасова, что почти на 20 лет отложило распространение альбома и знакомство с ним широкого круга лиц. Однако именно в эти годы Стасов активно внедрял в жизнь орнаментальные мотивы из еврейских рукописей. Мы можем констатировать, что благодаря русскому историку искусств Стасову и русскому архитектору Ропету в декоративном искусстве возник “еврейский стиль”. У нас нет сведений о том, продолжал ли кто-либо творить в этом направлении после смерти Стасова, был ли этот стиль востребован и дальше. Возможно, что нет. Однако после 1905 г. началась другая, научная жизнь альбома. Издание стало действительно “истинно классическим и знаменитым”, даже не “на всю Европу”, как мечтал Стасов, а на весь мир. Без него не обходится ни один исследователь еврейского книжного искусства, оно постоянно дает пищу для размышлений и открытий, что особенно ярко выразилось в статье израильского искусствоведа Бецалеля Наркисса, сопровождающей факсимильное переиздание альбома³⁷.

³⁵ Там же. Л. 22-23.

³⁶ Архитектор Ропет вместе со скульптором Ильей Гинцбургом создали надгробный памятник Стасову в Некрополе деятелей культуры в Александро-Невской Лавре в Петербурге.

³⁷ Illuminations from Hebrew Bibles of Leningrad. Jerusalem 1990.

Приходится признать, что при всем техническом прогрессе, при всем интересе к еврейскому художественному наследию, при наличии немалого числа богатых меценатов до сих пор не появилось монументальное издание, подобное тому, что было выполнено в 1884-1886 гг. в Экспедиции заготовления Государственных бумаг на деньги барона Горация Гинцбурга и его сына. Давиду Гинцбургу было очень сложно дать описания орнаментов восточного происхождения из-за отсутствия аналогов. Неудивительно, что эта работа заняла столько времени. К большому сожалению, это привело к тому, что Стасов так и не написал своей искусствоведческой статьи. А было бы интересно почитать, что он думал о ближневосточном еврейском искусстве, дошедшем до нас в прекрасных образцах благодаря стараниям караимского путешественника Авраама Фирковича.

III. 1.

III. 2.

